

Сергей Прокофьев

ДНЕВНИК

Лица

sprkfv

Сергей Прокофьев

ДНЕВНИК

Лица

sprkfv

На обложке: Сергей Прокофьев, Москва, 1939 год.
Фото справа сделано в Лондоне в 1921 году.

Этот альбом является дополнением к книге «Дневник» Сергея Прокофьева
и не может быть продан отдельно.

sprkfv

54, rue de la Glacière, 75013 Paris, France

ISBN: 2-9518138-2-1

© The Serge Prokofiev Estate, 2002

Перед Вами третий том «Дневников» Сергея Прокофьева, составленный из фотографий.

Для комментариев к фотографиям использованы фрагменты текста из «Дневника» Прокофьева. Некоторые из этих текстов действительно относятся к конкретным снимкам, но чаще они содержат информацию либо о запечатленной личности, либо рассказывают о событиях примерно того же времени, что и фотография. Мы сознательно старались по возможности избежать специально написанного текста, чтобы до конца сохранить исключительно прокофьевский стиль и в этой, третьей части его «Дневника».

Хотя сам Прокофьев и Лина Прокофьева иногда пользовались фотоаппаратом для фиксирования различных моментов их жизни, сохранились, к сожалению, лишь немногие снятые ими фотографии. Многие детские и семейные фотографии Прокофьева погибли в период революции, а значительное количество фотографий, связанных с заграничным периодом жизни композитора, были варварски выдраны из фотоальбомов в момент ареста Лины Прокофьевой сотрудниками КГБ в 1948 году. Фотографии незнакомых людей в несоветской обстановке, конечно, вызывали особый интерес у рьяных сотрудников госбезопасности. Им было невдомёк, что это артисты, музыканты, писатели. Скорее всего, эти фотографии безвозвратно утеряны, и мы лишены возможности показать множество интереснейших документов. Но и то, что осталось в сохранности в семейных альбомах, представляет большой интерес, показывая композитора в разные моменты его жизни.

Святослав Прокофьев

Лица

Я родился в 1891 году. Четыре года назад умер Бородин, пять лет назад - Лист, восемь - Вагнер, десять - Мусоргский. Чайковскому оставалось два с половиной года жизни; он кончил пятую симфонию, но не начал шестой. Римский-Корсаков недавно сочинил «Шехеразаду» и собирался приводить в порядок «Бориса Годунова». Дебюсси было двадцать девять лет, Глазунову - двадцать шесть, Скрябину - девятнадцать, Рахманинову - восемнадцать, Равелю - шестнадцать, Мясковскому - десять, Стравинскому - девять, Хиндемит не родился совсем. В России царствовал Александр III, Ленину был двадцать один год, Сталину - одиннадцать.

Родился я (по старому стилю) 11 апреля, в среду в 5 часов дня. Это выходило - спустя сто дней в году. По новому стилю 11 апреля равнялось 23-му, не 24-му, как ошибочно высчитали некоторые.

(«Автобиография»)

Мария Григорьевна, Серёжа и
Сергей Алексеевич Прокофьевы.
1892 год, Сонцовка.

Сергей Прокофьев. 1892 год, Сонцовка.

Мария Григорьевна Прокофьева. 1876 год.

Сергей Алексеевич Прокофьев. 1877 год, Москва.

Я вернулся к мысли сочинить собственную оперу. Вернее, эта мысль меня не покидала, но мешали обстоятельства. Откуда взялся сюжет? По-видимому, он был выдуман в том же порядке, в каком выдумывались темы для наших детских пьес.

Когда в начале лета 1900 года я пришёл к матери с рукописью и сказал: - Мама, ты сказала, что я оперу не напишу, а я вот написал! - то она прежде всего изумилась, когда же я успел это сделать.

Затем заговорил скепсис: не стоит увлекаться, чтобы потом не разочаровываться. Но пошли к роялю - и оказалось складно, даже занимательно.

(«Автобиография»)

Сергей Прокофьев, 1901 год, Петербург

Сегодня шестой класс снимался на деньги, оставшиеся после бала второго января. Хотя фотограф от Флиге снял нас тогда с магнием так хорошо, что никто не получил даже фотографии, тем не менее отправились опять в эту фотографию. Я бы предпочёл сняться одним классом и сильно на этом настаивал. Но всё-таки пригласили и Глазунова, и Ник.Ив.Новича, и всех наших учителей, и даже бывших учителей. Посмотрим, как это выйдет.

(Дневник, 1908)

Выпуск научных классов Петербургской консерватории, 1908 год.

Слева направо, первый ряд: Е.Безсонова, А.Шульзингер, И.Нодельман, Р.Осват, К.Анисимова, В.Алперс.

Второй ряд: Л.Глаголева, Н.Попова, Алексей Петрович (преподаватель истории), Н.В.Балаев (преподаватель русской литературы), священник Петров (преподаватель Закона Божьего), директор консерватории А.К.Глазунов, О.Абрамычева, Н.И.Абрамычев (помощник инспекции по научным классам), А.Флиге, Е.Кадовская, Е.Шварц, Самарятинова.

Третий ряд: М.Пиастро, И.Гвирицман, К.Ваншейдт, А.Шмидт, Н.Вилик, С.Прокофьев, И.Добрженец.

Выйдя из вокзала в Никополе, мы сначала искали глазами лодку, чтобы поехать к Моролёву, но оказалось, что это Венеция лишь наполовину: хотя и сплошь одни каналы из грязи и воды, но ездят на четвероногих гондолах. Опасливо мы сели в тарантас и поплыли. Переплыв почти весь город, мы причалили к подъезду одного каменного дома. Раздалось щёлканье «кодака» и Моролёв схватил Сергусю в объятия, оповещая, что он снял наш торжественный въезд в ворота. Василий Митрофанович живо усадил нас за стол, потчевал пирогом и абрикотином. Сам он бойко хлопал водку, быстро и оживлённо говорил и очень суетился, производя в общем симпатичное впечатление.

(Дневник, 1913)

В повозке сидят: слева - Сергей Прокофьев, справа - Макс Шмидтгоф.

Читал после двух часов по-английски и играл 2-й Концерт, а то мне приснилось, что я выхожу играть его в ИРМО и не знаю. Затем Башкиров, который принял урок (делает успехи), пообедал, а затем увёз к себе, чему я не особенно противоречил, так как начинала болеть голова. Он по обыкновению мил, читал мне Бальмонта, подарил свою фотографию (я вечером рассматривал её: великолепна непринуждённость позы) с надписью: «Вы в совершенстве владеете языком богов», провожал домой до полдороги и говорил, что он купит себе новый автомобиль у «Пежо» в Париже.

(Дневник, 1914)

Борис Башкиров (Верин)

Териоки, Авг. 1913, после трамбуса 2го кониз ерта, стр. 16

Несомненно, что у меня с Захаровым были не просто обыкновенные товарищеские отношения, но нечто больше этого. Я оценил его ум, остроумие, независимость и джентльменственность; эти его качества меня покорили. Он был на три года старше меня, но по жизненной опытности и солидности он был старше меня много более. Влияние он имел на меня большое.

(Дневник, 1912)

Сергей Прокофьев и Борис Захаров. Териоки, 1913 год.

Несколько человек из Захаровых, изображая репортёров и представителей фирмы «Пате», защёлкали «кодаками». Борис говорил о заслугах «крокетного клуба» и в заключение просил позволения поднести клубу в дар древнейший крокетный молоток, найденный недавно при раскопках в Северной Америке. С этими словами он развернул бумагу и вытащил оттуда обломок какого-то невероятного старого и негодного молотка. Я хохотал от души. Председатель с глубокой благодарностью принял ценный дар и в ответной речи благодарил за оказанную честь. Затем был поднесён хлеб-соль и все перешли на крокетную площадку. Тут была сожжена громогласная хлопушка, изображающая пушечный выстрел, и в тот же момент на столбе взвился флаг. Открытие состоялось. Устроили «юмористическую» партию из самых плохих игроков (Лидя, Дурдины и прочие). Все расселись вокруг на скамейки, «кодаки» продолжали щёлкать, хозяева притащили ликёры, было шумно, все шутили, больше всех Борис, который был находчив, весел, пользовался общим вниманием и был центром.

(Дневник, 1913)

Семья Карнеевых и Сергей Прокофьев (крайний справа). Териоки, 1915 год.

Моё двухмесячное путешествие за границей записано в отдельной тетрадке, которая путешествовала вместе со мной в моём кармане. Посему продолжаю здесь с того момента, как я вновь вступил на русскую территорию, а это случилось третьего апреля, во втором часу дня, на станции Унгени.

За время моего отсутствия я, оказывается, сделался довольно знаменитым. Способствовали этому: 1) выступление в ИРМО двадцать четвёртого января и газетные восторги на эту тему; 2) отчасти предыдущее выступление в «Современнике» с Сонатой и мелкотушками, и 3) в значительной мере моя поездка в Италию к Дягилеву и известие, что Дягилев заказал мне балет.

Поэтому по вступлении на русскую территорию успехи стали мне кружить голову. Я заехал в Киев и пробыл день у Глиэра. У него собрались все профессора Консерватории, которые знали мои произведения, имели ноты и были в страшном восторге от моей игры (à propos, я познакомился со скрипачом Коханским и с композитором Шимановским, сочинения которого мне весьма понравились). Приехав в Москву, я отправился к Юргенсону. С тех пор, как осенью я письменно повздорил с его братом, я с обоими не имел отношений. Теперь Борис Петрович оказался таким милым и любезным, что, одним словом, из Юпитера превратился в Венеру. Я сказал, что приехал продавать балет на корню, Юргенсон охотно согласился.

(Дневник, 1915)

Сергей Прокофьев, 1915 год.

Первый мой recital. Я несколько волновался за Баха, но он прошёл без инцидентов.

Контрдансы Бетховена - очень хорошо и Соната Шумана тоже довольно хорошо. Но самый успех выпал на последние пять моих мелкотушек с «Наваждением» в конце. Успех чрезвычайный, как в доброе старое время в Петрограде. Бисов - шесть. Требовали «Токкату», но я её не мог сыграть: забыл, давно не повторял, и вместо неё сыграл ещё раз «Наваждение».

Зал выглядел набитым, но опять много было даровых. «Paper House», как говорят американцы.

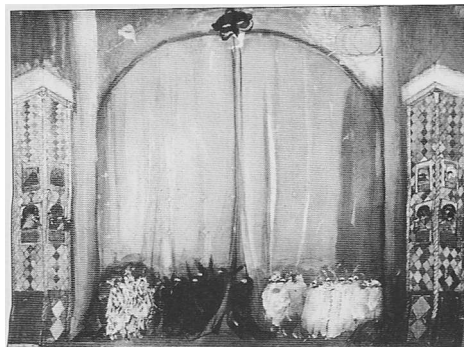
В артистической после окончания масса народу. Меня хватали за руки, за плечи и от восторга рвали на части.

(Дневник, 1919)

День прошёл в быстром беге к Нью-Йорку. И поезд, делая даже сто вёрст в час, был так спокоен, что казалось, если бы не мелькание в окне, мы едем пятьдесят. Гудзон, по берегу которого шёл наш путь, становился всё шире и шире, мелькали красивые постройки и дворцы, и чем ближе к Нью-Йорку, тем вид был интересней. Наконец замелькали равномерные, нумерованные улицы, а затем мы углубились под город и так, не вылезая из-под земли, приехали на вокзал. Я заявил: «Не вижу Вильсона и делегации от города». Но тем не менее, Нью-Йорк, ничуть не поразив, произвёл просто отличное впечатление.

(Дневник, 1918)

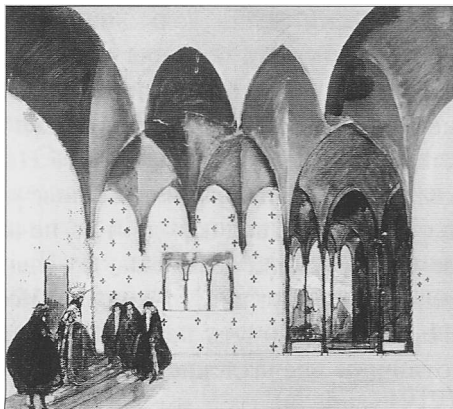

Прочитал «Любовь к трём апельсинам». А здорово! Из этого можно кой-что сделать, только предварительно переделать сюжет совсем наново. Музыка - ясная, живая и, по возможности, простая.

Больш, один из известных балетных артистов дягилевской труппы, служащий теперь в «Метрополитен» и ставящий там, в противовес итальянщине, русские оперы, страшно обрадовался, узнав, что я здесь. Он мне наговорил кучу полезных советов для ориентации в Нью-Йорке. «Главное, - сказал он, - не спешите, делайте всё важно, независимо, всё равно сезон не раньше октября, а то и ноября».

Был у нашего художника Анисфельда, который, не зная меня, позвонил мне, чем очень польстил. Он милый, но несколько странный и, на первый взгляд, не замечательный человек. Конечно, тысячи расспросов про Россию.

(Дневник, 1918)

Анисфельд подписал, наконец, контракт на декорации «Апельсинов». Больм тоже почти. Сегодня играл им три акта. Оба чрезвычайно довольны. Обсуждали подробности. Всё это чрезвычайно приятно. Все задуманные мною герои и их действия начинают становиться действительностью. Но от исполнения трёх актов замучился до смерти.
(Дневник, 1919)

Прокофьев, Анисфельд и Больм. 1919 год.

Были у Пташкиного отца. Пташка уже была у него в предыдущие дни, а он приходил на концерт, которым остался очень доволен. Ему шестьдесят лет, но можно дать сорок-сорок пять. Он произвёл на меня очень приятное впечатление, даже несмотря на то, что плохо говорит и по-французски, и по-русски.

(Дневник, 1926)

Ольга Владиславовна Кодина, мать Лины Прокофьевой.

Хуан Кодина, отец Лины Прокофьевой. 1892 год.

Фото *справа*: Лина Кодина в испанском костюме. 1920 год.

Мама оказалась не в первом классе, как я ожидал, а в ужаснейшей матросской каюте, так как лучшего места она достать не успела, а ждать не хотела. Когда я вошёл в большую каюту на восемнадцать человек, она смотрела в другую сторону и меня не видела, так что я не знал, совсем ли она слепа или видит ещё немного. Она загорела как пергамент, надела синие очки и сильно похудела. Однако встреча была бодрая и почти деловая, очень радостная. Среди вещей прибыли и мои бумаги: рукописи «Семеро их» (не партитура, а эскиз её, очень полный), партитура Скрипичного концерта и клавир 2-го Концерта для фортепиано. Затем три тетрадки дневника и три рассказа.

(Дневник, 1920)

Лина, Мария Григорьевна со Святославом, Сергей Прокофьев. 1924 год.

В Le Cannet в одиннадцать вечера. Дачка не особенно удобная, но приятный сад, весь в цветах. Святослав чуть вырос, загорел, в общем изменился мало. Bébin - здоровенный пузырь, капризный и дичится. Пташка сегодня утром приехала из Парижа, стала слишком энергично его ласкать - и он боится её. Поэтому я старался быть осторожным с Bébin и не настаивать на своём внимании.

(Дневник, 1930)

Верхнее фото: Хуан Кодина, Олег (Bébin) и Святослав Прокофьевы, Эльза (гувернантка). 1930 год.

Внизу: Хуан Кодина с внуками - Святославом и Олегом. 1930 год.

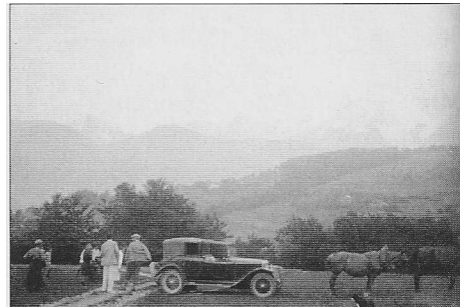
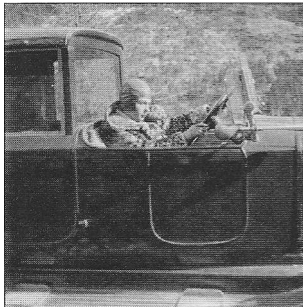
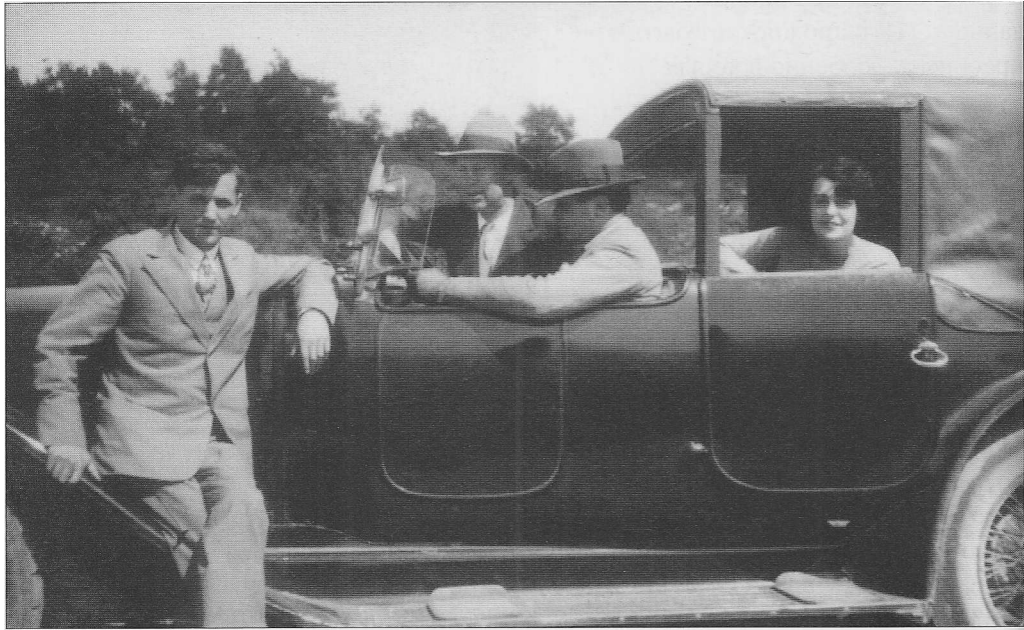

Встал, когда было ещё темно, и в семь часов утра выехал дальше. Путь продолжает быть красивым, особенно в косых лучах восходящего солнца. Вскоре мы выехали из Австрии причём итальянцы на границе немного ко мне придирались и рылись в чемодане, ища большевистскую пропаганду, испачкали крахмальные рубашки) и поехали по землям, недавно отхваченным Италией у Австрии. Я с интересом рассматривал их, так как ехать по только что «завоёванным» странам не так часто случается. Южное солнце стало пригревать теплее. Затем я дремал, так как качивало и я рано встал. В семь часов вечера Милан и Пташка на вокзале. Она заявила в своём пансионе, что уезжает на несколько дней, и мы отправились с нею в гостиницу «Сото», против вокзала. Она недавно пела на театральной пробе и возможно, что получит дебют в «Риголетто» в самом Милане. Отлично! Ужинали в центре города и выпили Asti. Милан туманен, мокр и неособенно приятен. Были в соборе. Хотели подняться на крышу, но моросил дождь. В «-Скале» сегодня перерыв.

(Дневник, 1923)

Лина Прокофьева. Париж, 1924.
Слева: Лина Прокофьева. Милан, 1923.

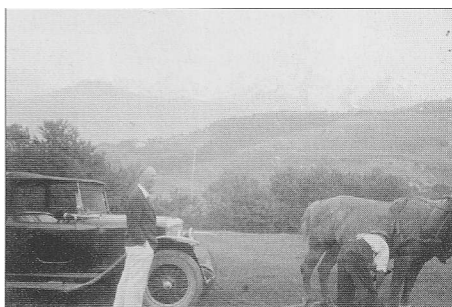
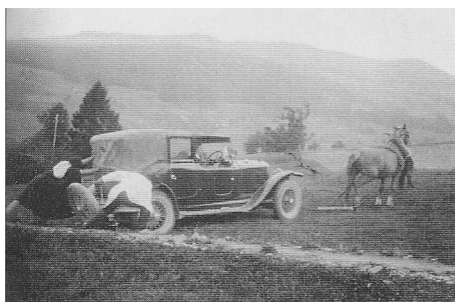
Верхнее фото: Владимир Софроницкий, Сергей Прокофьев, Владимир Дукельский и Лина Прокофьева в автомобиле «Балло» Прокофьева. Франция, 1929 год.

Третий урок управления автомобилем. Разогнавшись на второй скорости, я хотел перевести рычаг на третью, но по ошибке попал на первую. Под ногами что-то затрещало, я с перепугу нажал не на ту педаль. Учитель, сидя за соседним рулём, быстро остановил автомобиль и долго меня ругал. Я же ничего не понимал и только думал: сломал я машину или нет? Видя мой уничтоженный вид, он смягчился и сказал: «Ну, поедemте дальше!»

Меня, оказывается, уже видели учащимся в Булонском лесу и в связи с этим Горчаков слышал в métro следующий разговор: «А у Прокофьева-то дела неважны: учится на таксиста!» Горчаков говорит, что он чуть не помер со смеху.

Держал экзамен на получение carte-rose, т.е. на право управления автомобилем. Экзаменатор в самом деле оказался довольно приятным. Экзамен начался в одном из боковых переулков на avenue de la Grande Année, и притом с довольно трудной вещи: я должен был двинуться на подъёме и сделать трудный поворот, причём на меня вылетел автомобиль и я дал ему дорогу. Экзаменатор выругался, но не по моему адресу, а по адресу вылетевшего автомобиля, который должен был уступить мне дорогу. Затем я сделал ещё несколько маневров, ответил на три вопроса и, получив розовый лист, с сияющим видом вернулся домой.

(Дневник, 1926)

На маленьких фото (слева направо): 1 - Лина Прокофьева за рулём; 2-4 - неполадка с автомобилем Прокофьева, одна лошадиная сила приходит на помощь. Франция, 1928 год.

Сергей Дягилев, 1925 год.

К Дягилевской антрепризе я давно относился с большим интересом и без сомнения очень хотел бы иметь дело с этим блестящим предприятием; когда же теперь само предприятие захотело иметь со мной дело, то это было не в бровь, а в глаз. Предстоящее знакомство меня даже волновало. Дягилев, как личность, меня крайне интересовал; кроме того, я знал, что он крайне обаятельная личность.

На первый раз Дягилева за кулисами не оказалось, но через день на «Соловье» мы встретились. Он был страшно шикарен, во фраке и цилиндре, и протянул мне руку в белой перчатке, сказав, что очень рад со мной познакомиться, что он давно хотел этого, просит меня посещать его спектакли...

(Дневник, 1914)

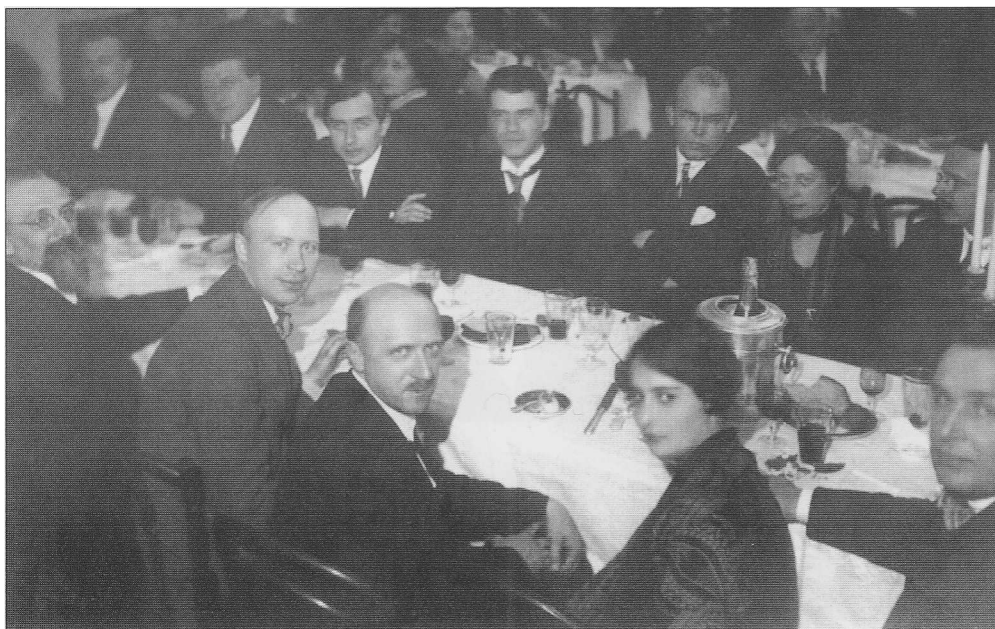

Три Сергея: Лифарь, Дягилев и Прокофьев.
Монте-Карло, 1929 год.

В антракте артисты меня потащили к театральному фотографу, тут же в верхнем этаже театра, и он снял группу участвующих со мной посередине. В гостиной, прилегающей к ложе дирекции, был сервирован чай с пирожными, закусками и вином. Тут Экскузович, Ершов, Малько, Оссовский, дирижёры, режиссёры, словом, целое празднество. Я ошеломлён и в восторге от изобретательной и необычайно оживлённой постановки Радлова и обнимаю моего старого шахматного партнёра.

(Дневник, 1927)

Верхнее фото: В.Дранишников, С.Прокофьев и С.Радлов с участниками спектакля «Любовь к трём апельсинам». Ленинград, 1927 год.

Внизу: на первом плане - профессор Оссовский, С.Прокофьев, Б.Асафьев, Л.Прокофьева, В.Дранишников. Ленинград, 1927 год.

Среди сумасшедших ленинградских дней (да и московских перед тем), сегодняшний день - день отдыха, ибо ещё при первой встрече в Москве Асафьев гарантировал себе этот день, чтобы мы провели его в Детском Селе.

Асафьев нас радостно встречает в Детском Селе на вокзале и мы пешком по ослепительному белому снегу отправляемся к нему. Он живёт в большом просторном деревянном доме, неподалёку от вокзала, на краю Детского Села, так что с одной стороны город, а с другой - просторное снежное пространство. Он занимает во втором этаже три чрезвычайно просторных комнаты - часть квартиры, некогда принадлежавшей приставу. Обстановка - уездного русского города, и она вместе с ярким солнцем и снежной далью, открывающейся из окон, переносит нас в какой-то совсем иной мир.

(Дневник, 1927)

На фото: Борис Асафьев, Николай Мяковский и Сергей Прокофьев. Детское Село, 1927 год.

Сергей Прокофьев. Москва, 1927 год.

При моём появлении оркестр играет туш, затем весь встаёт и аплодирует. Овация зала и оркестра становится грандиозной и необычайно длинной. Я долго стою, кланяюсь во все стороны и вообще не знаю, что делать, сажусь, но так как аплодисменты продолжаются, опять встаю, опять кланяюсь и опять не знаю, что делать. Я не был десять лет в Москве, мне хочется сосредоточиться, чтобы сыграть как следует, а эти эмоции совершенно не способствуют углублению. Наконец мне это надоедает и я решительно сажусь. Цейтлин, стул которого находится как раз за моей спиной, шепчет, что надо посидеть пару минут спокойно, дабы и я, и оркестр, и публика, могли прийти в себя. Я стараюсь ни на кого не смотреть и утыкаюсь в фортепиано. Минуты через три начинаем.

Я играю беспокойно, но довольно хорошо. Инцидент только один: в третьей вариации я что-то подпутал, сам не помню что, во всяком случае несерьёзно, и мы сейчас же вылезли на чистую дорогу. По окончании Концерта зал ревёт. Конечно, такого успеха у меня не было нигде. Я выхожу без конца. На бис сначала играю Гавот из «Классической», затем «Токкату». Оба штюка выходят хорошо. Наконец уединяюсь в артистическую, а оркестр играет сюиту из «Апельсинов». Марш по традиции бисируется, а по окончании новые вызовы и я ещё выхожу несколько раз.

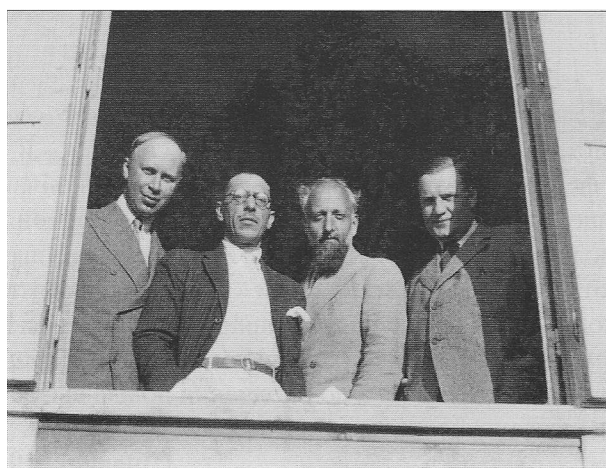
(Дневник, 1927)

Сергей Прокофьев и Лев Цейтлин. Москва, 1927 год.

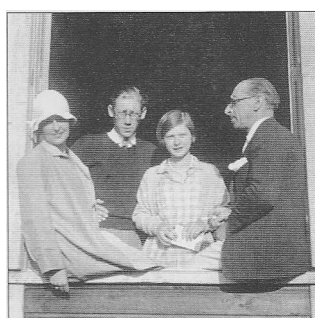
На другой день, двадцать третьего, как раньше уговорились со Стравинским, мы, т.е. Пташка, Сувчинский и я отправились к нему в автомобиле. Была чудная погода, и ехали мы по красивой местности. Завтракали на берегу озера Аннесу в том же ресторане, где в прошлом году с Асафьевым. Стравинский живёт по другую сторону озера, в чудном уголке, снимая небольшой пансион, который почти весь заполнен его семьёй. Шагах в двухстах, в расстоянии «фортепианного выстрела», небольшой переносной домик, где он работает. Разговоры, конечно, о Дягилеве. Стравинский играет вторую и третью части Концерта (первая ещё не готова). Интересно и лучше, чем я ожидал по разговорам. С первого раза и после плохого исполнения судить трудно. Но сделано отлично, много интересных комбинаций.

Затем Фёдор нарисовал мой портрет, быстро и удачно. Сели обедать. За столом философский разговор между Стравинским и Ansermet, который оказался не лишённым образования. Сувчинский сыпал научными терминами. Стравинский принимал участие слегка.

(Дневник, 1929)

Сергей Прокофьев, Игорь Стравинский, Эрнест Ансермэ и Пётр Сувчинский. 1929 год.

Верхнее фото: Эрнест Ансермэ, Сергей Прокофьев и Игорь Стравинский. 1929 год.
Нижнее фото: Лина Прокофьева, Фёдор, Миленаи Игорь Стравинские. 1929 год.

Была несколько тяжёлой голова, поэтому ходил в дальнюю прогулку по Bois de Boulogne со Святославом. Последний изображал чуж-чуж, шлёпал по грязи, а один раз громко спел «чирика». Когда я оказался на одной тропинке, а он на другой, он философски сказал: «Ты сюда, а я сюда, у каждого своя дорога».

(Дневник, 1928)

Сергей Прокофьев и Святослав Прокофьев. Франция, 1926 год.

День мой распределяется так: просыпаюсь между 7.30 и 8.00, бужу Лабунского и иду в ванную мыться. Бреюсь ради деревни через день, в зависимости от этого спускаюсь вниз через пятнадцать минут или через полчаса. Пью кофе, открываю ставни и сажусь заниматься до десяти. В десять часов приносят почту, что перебивает занятия. Если писем немного, то вскоре возобновляю занятия до половины двенадцатого. Затем пускаю Пташку петь, а сам ухожу гулять; иногда беру с собой Святослава в его трёхколёсной коляске, «таси», как он её называет, коверкая английское слово taxi. Иногда ещё чуть-чуть занимаюсь по возвращении с прогулки.

Без четверти час завтрак. После завтрака диктую Лабунскому письмо или два, если таковые имеются.

Послеполуденные занятия менее интенсивны, чем утренние, т.е. я редко сочиняю днём, хотя иногда что-нибудь доделываю. Зато занимаюсь корректурами, или чиню Симфонию, или обдумываю оркестровку. В четыре часа чай, а в полшестого я иду на большую прогулку километров за пять-шесть, иногда в Champagne, оттуда возвращаюсь в поезде в полвосьмого, к обеду.

Вечером немного играю на рояле (2-й Концерт, 4-я Соната) и пишу дневник, новый, или подгоняю старый, сокращённый. Ложимся в десять.

(Дневник, 1929)

Сергей и Святослав
Прокофьевы.
1925 и 1927 год.

Пётр Любошиц, Нина Кошиц, Сергей Прокофьев, певица Аргентина, Павел
Коханский и Лина Прокофьева. Aix-Les-Bains, 1929 год.
Замок Ла Флешер, Кюлоз.

Шалоны, у которых небольшое имение около Lac du Bourget, подыскали нам замок «замечательной красоты» и не такой дорогой, тысяч семь за лето. Поэтому сегодня сели в поезд и поехали смотреть. Восемь часов езды. Под вечер высадились в Culoz, это большая узловая станция, через которую идут поезда и в Женеву, и в Милан, и в Aix, и в Evian. В прошлом году мы здесь проезжали с Дукельским в Ballot по дороге из Монте-Карло в Париж, но проскочили без остановки, хотя местность осталась у меня в памяти. Пообедав, пошли посмотреть снаружи замок, который стоит на горке в километре от вокзала. Замок действительно чертовски эффектен и чуть мрачен. Башни и щели для стрельбы из пищалей. С хозяевами свидание по телеграфу назначено на завтрашнее утро, а так как они, по словам Шалонов, важные шателены, то решили их сегодня не беспокоить и вернулись в отельчик у вокзала - спать.

В промежутках - приятные выезды с Шалонами. В окрестностях много маленьких таверн, где кормят на славу. Шалон оказался довольно ловким в исправлении спаковских промахов в переводе «Игрока». Я продолжал их выуживать. В 23 км от нас был Aix-les-Bains, большой курорт, довольно противный. Рядом с Aix жила Кошиц. Она угостила нас большим русским завтраком. Были Коханские, Аргентина. (Дневник, 1929)

1 - Н.Кошиц, 2 - П.Коханский, 3 - Л.Прокофьева, 4 - П.Шуберт,
5 - Аргентина, 6 - П.Любошиц, 7 - С.Прокофьев.

Aix-les-Bains, 1929 год.

Жорж Руо и Сергей Прокофьев. Монте-Карло, 1929 год.

Я собирался пробыть в Монте-Карло три дня, но Пташке очень нравилось, и Дягилев задерживал - пробыли неделю. Погода всё время чудная. Что касается «Блудного сына», то всё свелось к тому, что натренировали пианиста (темпы) для будущей репетиции, теперь же репетировали балет Риети и «Байку» Стравинского (увы «Шуту» - выбрали «Байку»), Пианист был очень занят, а Кохно не потрудился раньше выдать ему мой клavier, так что он колупал довольно плохо.

Дягилев был то очень мил, то ничего от него нельзя было добиться.

В компанию входили ещё Руо (человек довольно первобытный, но вовсе не такой противный, каким показался сначала), Лифарь, Кохно и Павка, очень милый дядюшка Дягилева (l'aieul). Все они очень хорошо относились к Пташке и под конец даже целовали её руку (это дягилевские мальчики-то!).

Вечером Дягилев пригласил нас в ложу на «Князя Игоря». Спектакль был скорее скучный: голоса плохие, а оркестр в нашей ложе не звучал.

Дягилев явился с Маркевичем и был в отличном настроении.

По-видимому, это - эскапада, пока Лифарь в Монте-Карло. Маркевичу лет шестнадцать и он похож на мышонка. Пташка передала Дягилеву пачку фотографий, которые мы нащёлкали в Монте-Карло. Увидев Пташку и Лифаря под руку, он передал снимок Прюна со словами: «M. et Mme Lifar».

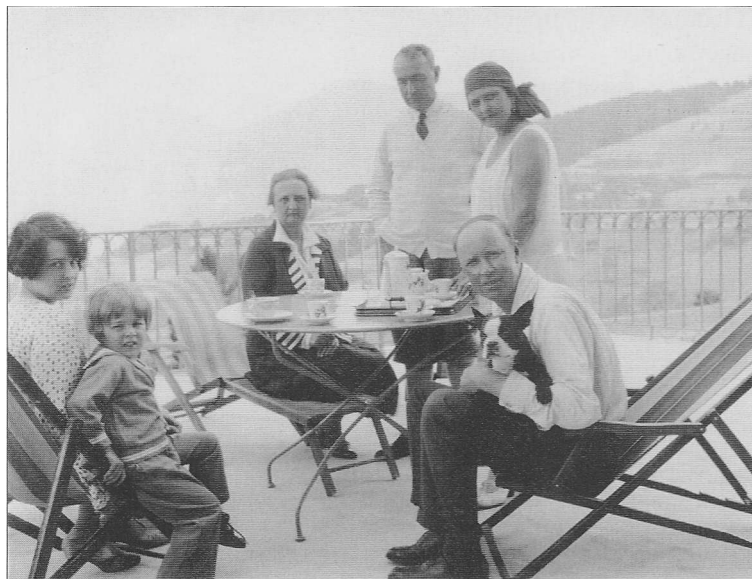
(Дневник, 1929)

Лина Прокофьева
и Сергей Лифарь.
Монте-Карло, 1929 год.

Сергей Лифарь.
Монте-Карло, 1929 год.

Днём Пташка, я и Святослав в автомобиле выехали к Кусевицким. Я для похода, Пташка и Святослав гостить (их обоих чрезвычайно любит Наталья Константиновна).

Верхнее фото: Лина Прокофьева и Святослав, Наталья Кусевицкая, Сергей Кусевицкий. Справа с собакой на руках - Сергей Прокофьев.
Внизу: Сергей Кусевицкий, Святослав и Лина Прокофьева, Наталья Кусевицкая. 1929 год.

Без четверти четыре вечера вышли, трогательно провожаемые. Начало подъёма очень приятное, лесная дорога. Шли долго. В девять, устав, нашли шале внизу Mont Joly. Страшно обрадовались. Обед и шипучка. Когда расписались музыкантами, нам принесли аккордеон (гармонию); презрение. Спать пошли на чердак. Пайчадзе и я на сене, подложив одеяло. Я засыпаю. Кусевицкий не спит. В шесть часов выходим. Решаем изменить маршрут. Кусевицкий возвращается с кофейным мальчишкой. Мы с Пайчадзе доходим до верха. Я иду лучше, но круто. Сначала зелёные луга, потом голый камень и серый песок. Почему Mont Joly, когда некрасиво? Наверху мало места, но вид во все стороны. Чудные виды. Отдыхаем. В четыре часа всем лучше. Спуск в St. Nicolas. Единственный отель. Чудный вид с террасвд, где обедали: зелено, уютно. Идём опять: я, Кусевицкий, Пайчадзе.

(Дневник, 1929)

Слева направо: Георгий Пайчадзе, Сергей Прокофьев, Сергей Кусевицкий. 1929 год.

Познакомиться со Стравинским я очень интересовался, ибо его сочинения, к которым я года два назад относился почти враждебно, теперь нравились мне больше и больше; к тому же Дягилев расхваливал его с необычайной горячностью. Самого его я помню довольно давно, лет девять тому назад, когда он на репетициях концертов появлялся с Римским-Корсаковым и другими корсаковскими учениками; я тогда начинал Консерваторию. Затем я помню его весной 1910 года на вечере новой музыки в «Аполлоне», где я играл Сонату, Op.1, а Стравинский отрывки из «Жар-Птицы», которые мне не понравились. Возможно, что мы в этот вечер познакомились. Дягилев даже утверждает, что я сказал Стравинскому какую-то дерзость, но я этого абсолютно не помню. Как бы то ни было, мы теперь встретились чрезвычайными друзьями.

(Дневник, 1915)

Игорь Стравинский. Франция, 1928 год.

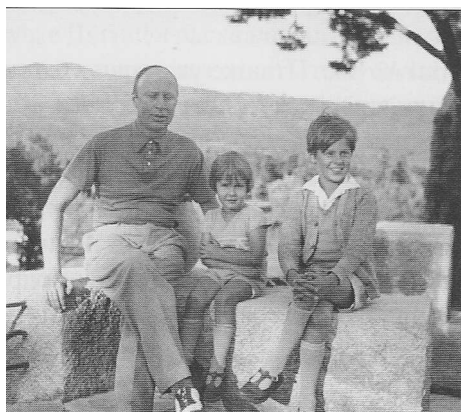

Сегодняшний день и вчерашний ушли на сборы в Англию. Я занимался на рояле, менял деньги, забирал ноты в издательстве, покупал билеты. Хотя брать обратный билет выгодней, решили взять только туда, так как есть проект обратно лететь. Miss Crein, зашедшая к нам, сказала: «Обязательно летите, это замечательное ощущение, когда вы отделяетесь от земли и парите над нею; тогда вы видите, какие все маленькие люди, ползущие по ней, и какие маленькие их земные интересы».

Взял билеты на Imperial Airline. Пташке уже давно хотелось лететь. В Париже, перед поездкой, мы решили, что, может быть, полетим. Теперь, когда мы решили привести наш план в исполнение, многие говорили: «Ну что-ж, летите, но я бы не полетел». Я сначала чувствовал лёгкое волнение, но быстро совладал с ним при помощи CS, и сегодня с уверенностью и интересом брал билеты. Как раз подошёл автокар с пассажирами, прибывшими из Парижа. Одна толстая пожилая дама, похожая больше на русскую уральскую помещицу, бодро вышла из автокара; другую даму, видимо, укачало, её вывели под руки и сейчас же усадили на стул.

(Дневник, 1927)

Лина и Сергей Прокофьевы. Лондон, 1927 год.

Вилла Жака Садуль Les Pins Parasols в Сент Максим, Франция.
Здесь Прокофьевы провели лето в 1932 году.

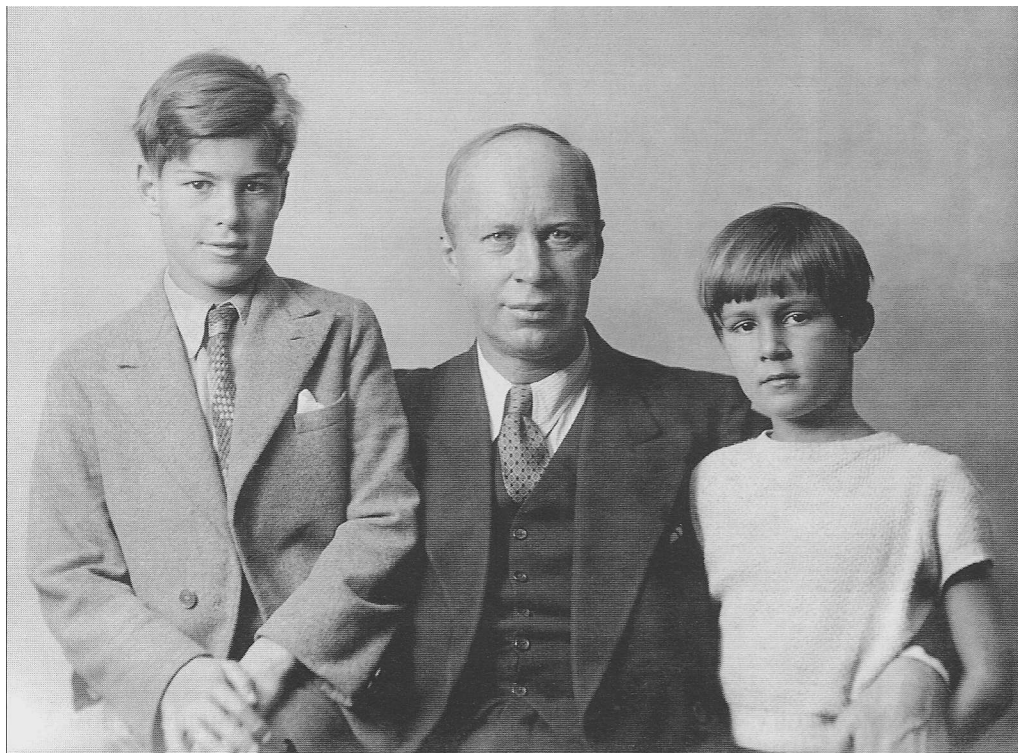

В семь часов у меня группа от Белгоскино с Гусманом, Файнциммером. В Белгоскино; любопытно, первый раз. Обсуждали материалы и музыку. Показывают несколько проб - костюмов и манеры говорить. Я атакую русский театр, манеру говорить, насколько американская естественней. Единственное хорошо, что после «кончено» - party. Затем меня снимают для actualités, играющим Гавот и «Токкату». Свет слепит, прожекторы жарят. Затягивается. Куски «Токкаты» играю плохо, но некогда переигрывать. Возвращаюсь домой, сплю.

Был Файнциммер и остался очень доволен песенками для фильма. Сочинил между делом несколько дней тому назад. Задание с барабанами - проба, как передаст звуковое кино.

(Дневник, 1933)

Сергей Прокофьев играет для участников съёмочной группы
фильма «Поручик Киж».».

13 ян 1938

Дорогие
Святослав и Вёвин,
В Несгореное приехали
в 6 ч. утра - было еще со-
вершенно темно. В Столпцах
сели в прямой поезд до
Парижа, очень тихий
и идет быстро, но в наших
купе холодно, т.к. погори-
лось отопление. На стан-
циях продают марки,
там я и воспользовался,
чтобы купить разную

Сергей Прокофьев с сыновьями: Святославом и Олегом. Москва, 1936 год.
Фрагмент письма Прокофьева сыновьям. 1938 год.

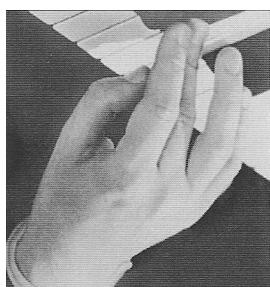
Олег, Святослав и Сергей Прокофьевы. Николина Гора, 1950 год.
Внизу: 1930 год, Франция.

Сергей Прокофьев в своём кабинете в квартире по ул.Чкалова, Москва, 1939 год.

Последняя фотография Сергея Прокофьева сделана его сыном Святославом в 1952 году.

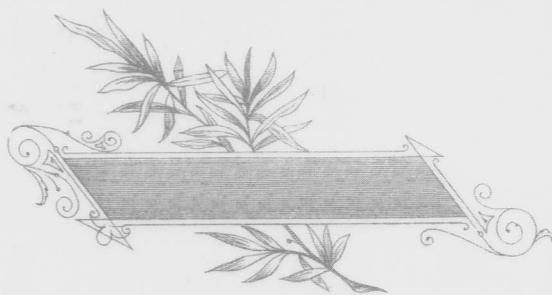
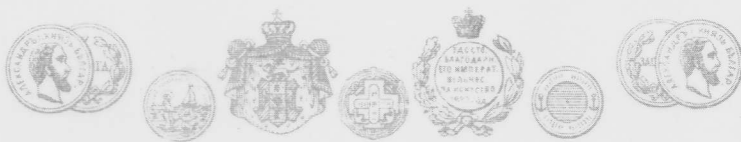

В книге использованы фотографии из фото-альбомов семьи Прокофьевых.
Авторские права принадлежат авторам этих фотографий - в большинстве случаев друзьям и знакомым Прокофьевых или им самим.
В частности, автор фото на стр. 18 - В.Моролёв, фото на стр. 33 - П.Шумов,
фото на стр. 55 - Мееров, верхнее фото на стр. 57 - Н.Прокофьева,
фото на стр. 59 - Св.Прокофьев.

При воспроизведении фотографий ссылка на источник обязательна.

Coordination Impression
DIAKOM
21, Grande Rue - 92310 Sèvres (France)
Tél. : 33 (1) 45 07 86 55 - Fax : 33 (1) 45 07 93 09
www.diakom.com - Email : editrad@diakom.com

Achevé d'imprimé sur les presses de JOUVE
18, rue Saint-Denis, 75001 PARIS
N° 310983A. - Dépôt légal : Juillet 2002

СЪЕМКА МОМЕНТАЛЬНАЯ

НЕГАТИВЪ СОХРАНЯЕТСЯ ДЛЯ ПОВТОРИТЕЛЬНЫХЪ ЗАКАЗОВЪ

ISBN : 2-9518138-2-1